

Научно-практическая статья

УДК 37.018.26

DOI: 10.24412/2076-9121-2025-1-41-57

**РОДИТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ
В МУЗЫКАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ДЕТЕЙ
(реконструкция по воспоминаниям выпускников
детских музыкальных школ второй половины XX века)**

Борис Викторович Куприянов^{1, а}, Александр Андреевич Маннин^{2, б}

¹ Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

² Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

^а bvkupriyanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1041-6056>

^б man-nin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3818-6582>

Аннотация. В статье представлены результаты историко-педагогической реконструкции родительских стратегий в музыкальном образовании советских детей второй половины XX века. Теоретической основой выступили положения о детско-родительских (детско-взрослых) конвенциях, разработанные в предыдущие годы. Для интерпретации социально-педагогических явлений прошлого применялись современные модели родительских стратегий в образовании детей, родительской вовлеченности, родительского участия. В работе использован метод полуструктурированного нарративно ориентированного интервью, позволившего зафиксировать родительские стратегии на основе интерпретации воспоминаний о: старте занятий в музыкальной школе; выборе музыкального инструмента; посещении родителями мероприятий в музыкальной школе; реакции родителей на заявление ребенка о желании прекратить занятия музыкой; контроле родителей за выполнением ребенком домашних заданий по музыке. Полевые материалы собраны в 2018–2020 гг. в ходе интервьюирования в Москве и еще в 10 городах России (Воронеж, Кострома, Нижний Тагил, Новосибирск, Рязань, Саратов, Ульяновск, Чебоксары, Челябинск). Всего проанализированы воспоминания 124 человек (1946–1980 г. р.), обучавшихся в детских музыкальных школах. В результате обобщения предложены следующие типы родительских стратегий: навязывание ребенку собственного сценария занятий музыкой, навязывание заимствованного культурного образца, проявление лояльности к самостоятельности ребенка в занятиях музыкой, соглашения с детьми в сфере занятий музыкой. Представленные результаты, скорее всего, только намечают линию междисциплинарного исследования участия родителей в социализации в подрастающего поколения. Научная новизна исследования состоит в применении современных теоретических положений для историко-педагогической реконструкции детской повседневности второй половины XX века.

Ключевые слова: родительские стратегии во внешкольном образовании детей, музыкальное образование, воспитание в СССР, история повседневности, устная история

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, <https://doi.org/10.13039/501100006769> (проект № 23–28–00651).

Scientific and practical article

UDC 37.018.26

DOI: 10.24412/2076-9121-2025-1-41-57

**PARENTAL STRATEGIES
IN MUSICAL EDUCATION OF CHILDREN
(reconstruction based on the memoirs of graduates
of children's music schools of the second half of the XXth century)**

Boris V. Kupriyanov^{1, a}, Alexander A. Mannin^{2, b}

¹ Moscow City University,
Moscow, Russia

² National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

^a bvkupriyanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1041-6056>

^b man-nin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3818-6582>

Abstract. The article presents the results historical and pedagogical reconstruction of parental strategies in musical education of Soviet children in the second half of the twentieth century. The theoretical basis was the provisions on child-parent (child-adult) conventions developed in previous years, and modern models of “parental strategies in children’s education” were also used to interpret the socio-pedagogical phenomena of the past. The work used the method of semi-structured narrative-oriented interview, which made it possible to record: the initiative of parents at the start of musical education of children, the degree of control and regulation by parents of their children’s homework, attendance of events at a music school, etc. Field materials were collected in 2018–2020 during interviews in Moscow and 10 other cities of Russia (Voronezh, Kostroma, Nizhny Tagil, Novosibirsk, Ryazan, Saratov, Ulyanovsk, Cheboksary, Chelyabinsk). In total, the memoirs of 124 people (born in 1946–1980) who studied in children’s music schools in childhood were analyzed. As a result of the generalization, the following types of parental strategies were proposed: imposing the music practice scenario on the child, showing loyalty to the child’s independence in music lessons, agreements with children in the sphere of music lessons. The presented results, rather, only outline the line of an interdisciplinary study of parental participation in the socialization of the younger generation.

Keywords: parental strategies in extracurricular education of children, music education, upbringing in the USSR, history of everyday life, oral history

Acknowledge: information about financial support Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> (project No. 23–28–00651).

Для цитирования: Куприянов, Б. В., и Маннин, А. А. (2025). Родительские стратегии в музыкальном образовании детей (реконструкция по воспоминаниям выпускников детских музыкальных школ второй половины XX века). *Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология»*, 19(1), 41–57. <https://doi.org/10.24412/2076-9121-2025-1-41-57>

For citation: Kupriyanov, B. V., & Mannin, A. A. (2024). Parental strategies in children's musical education (reconstruction based on the memoirs of graduates of children's music schools of the second half of the XXth century). *MCU Journal of Pedagogy and Psychology*, 19(1), 41–57. <https://doi.org/10.24412/2076-9121-2025-1-41-57>

Введение

Разработка государственной политики в области семьи, детства и воспитания невозможна без учета особенностей поведения родителей в образовательной сфере. Одним из современных понятий, отражающих способы реализации ориентиров старшего поколения по отношению к своим детям, являются так называемые родительские стратегии. Концепт «родительские стратегии» активно разрабатывается многими исследователями современных проблем образования (Бочавер, Вербилович, Павленко и др., 2018; Павленко, Поливанова, Бочавер и др., 2019; Марченко, Маховская, 2016). Однако реконструкции аналогичных явлений в жизни предыдущих поколений соотечественников уделяется незаслуженно мало внимания. Представления о родительских стратегиях позволили бы более четко обозначить современные тенденции, зафиксировать характерные черты социокультурного воспроизводства.

Для интерпретации родительских стратегий по отношению к образованию детей представляется возможным применять исследования так называемой родительской вовлеченности (parent involvement), в понимании которой используется метафора «родитель как продюсер образования своего ребенка» или определение «повышенная эмоциональная связь с образовательной организацией (школой), которую ощущает родитель, мотивирующая к более активному участию в ее жизнедеятельности» (Антипкина, 2017, с. 103). В качестве синонима «родительской вовлеченности» в значительном числе современных исследований используется термин «родительское участие»; применяющие его авторы подчеркивают:

- возможность использования шкалы участия (по глубине и степени): «от формальной и поверхностной родительской привлеченности до глубокой, искренней и сознательной родительской причастности;
- различие позиций по отношению к образовательным услугам (потребитель – заказчик) и к проектированию образовательных траекторий своих детей;
- развертывание родительского участия на двух площадках (дом и школа);

– наличие положительной связи между участием родителей в школьной жизни ребенка и академическими достижениями, результативностью социально-эмоциональной адаптации ребенка (Гошин, Пинская, и Григорьев, 2021, с. 71).

Основополагающим для настоящего исследования представляется утверждение Брайана Лапьера, который характеризует идеологическую линию построения новой идентичности в СССР в постсталинскую эпоху как достижение «общества, населенного вежливыми, продуктивными и политически грамотными гражданами» через «борьбу со своим некультурным Другим» (LaPierre, 2012, с. 11). Существенную роль здесь может сыграть линия, заданная американским историком В. Данхэмом, объявившем дискурс культурности в советском обществе «фетишизированным представлением о том, как быть индивидуально цивилизованным» (Dunham, 1979, р. 24). Среди концептуальных разработок этой проблематики последних лет следует отметить положение о том, что в советском обществе на житейском этическом уровне воспроизводились ценности аристократической культуры, в том числе и актуальность обучения музыке. В дореволюционной России «уметь музицировать должна была любая образованная девушка дворянского сословия» (Захарищева, 2017, с. 138). Такие установки были характерны для советской интеллигенции эпохи позднего социализма (Фишман, 2022; Давыдов, 2022, с. 191). Мотивация интеллигенции (по воспоминаниям их детей) весьма напоминают дореволюционную формулу привилегированного сословия «и слуха у нее нет, но, опять же, нужно дать девочке гуманитарное воспитание!», «Конечно же, ребенок должен иметь музыкальное образование» (Рейли, 2015, с. 174–175). В современных исследованиях также утверждается, что «для семей с высоким социальным и культурным капиталом характерны установки на “максимальное” или “оптимальное” насыщение внешкольного образовательного пространства ребенка» (Бочавер, Вербилович, Павленко и др., 2018, с. 34).

Еще одним аспектом является то, что культурная политика советского государства с 30-х гг. XX века была направлена на внедрение норм городской жизни для тех, кто недавно стал горожанами (Волков 1996, с. 199). По сути дела, миграция из деревни в город активно осуществлялась и во второй половине XX века, поэтому востребованность освоения городских норм вчерашними сельскими жителями сохранялась и в 1960–1980-е гг. Исследователи отмечают стремление передовых рабочих этого времени «быть культурными» (Цветкова, 2023). Своего рода социальные разрывы между рабочими и интеллигенцией, городскими и сельскими жителями сохранялись в советском обществе позднего социализма.

Эти культурные и социальные разрывы в определенной мере усиливаются *демонстративным потреблением* — покупкой дорогих предметов или приобретением благ, количество которых явно превышает личные потребности. Подобные осознанные или неосознанные практики, доказывающие платежеспособность, выполняют роль маркеров более высокого социального статуса индивида, как в контексте сохранения и подтверждения, так и в контексте достижения (Веблен, 2021, с. 10).

Конструирование и типологизация родительских стратегий осуществляется исследователями исходя из различных оснований, например на основе управления ресурсами окружающей среды для обеспечения качества дополнительного образования своих детей (Иванова и др., 2020, с. 111–113).

При обсуждении проблемы родительских стратегий большой интерес вызывает модель детско-взрослых конвенций (детско-родительских конвенций) — сопряжение желаний ребенка с установками родителей, традициями семьи, финансовыми возможностями и социальным капиталом родителей. В ситуации приобретения музыкального инструмента конвенции раскрывались в нескольких сценариях: *инерция* (ребенок начинал обучение на инструменте, который имелся в семье); *достижение* (получение возможности выбирать музыкальный инструмент в соответствии с собственными интересами); *подчинение* (подстраивание ребенка под представления родителей о подходящем инструменте) (Куприянов, Кудряшев, и Арапова, 2023, с. 89). Обращают на себя внимание положения о детско-родительских конвенциях при приобретении транспортного средства и регулировании велосообразности детей: попустительской, простодушной и доверительной (Куприянов, Смирнов, 2024, с. 240–241). Как показывает анализ литературы, ситуацией-индикатором выступает кризис мотивации обучающегося в отношении занятий музыкой (Старчеус, 2017, с. 24–26).

На основе всего вышесказанного сформулируем **задачу**: *реконструировать родительские стратегии в музыкальном образовании советских детей последней трети XX века.*

Дизайн исследования

Эмпирическая часть реконструкции осуществлялась при помощи полуструктурированного нарративно ориентированного интервью (Куприянов, Кудряшев, и Арапова, 2023, с. 42–48). Методика исследования предполагала интервьюирование лица, обучавшегося в детской музыкальной школе в изучаемый период; интервьюер с разрешения опрашиваемого записывал беседу на диктофон и использовал автоматический набор текста. Обработка проводилась в несколько этапов: вначале редактировалась стенограмма (текст, полученный автонабором, приводился в соответствие с аудиозаписью). В стенограммах выделялись фрагменты, где артикулировалось отношение родителей к музыкальному образованию опрашиваемого, затем фразы респондента интерпретировались в контексте всего сообщения, далее осуществлялся поиск подобных утверждений у других респондентов, после тот или иной факт оценивался как типичный или как единичный. Предполагалось реконструировать родительские стратегии на основе интерпретации воспоминаний о:

— старте музыкального образования (Кто выступил инициатором поступления в музыкальную школу? Обсуждалась ли инициатива перед принятием решения? Кто принимал участие в обсуждении?);

- выборе музыкального инструмента (Обсуждались ли варианты? Кто в конечном счете осуществил выбор?);
- посещении родителями мероприятий в музыкальной школе (Насколько регулярно члены семьи посещали концерты обучающихся и родительские собрания в музыкальной школе?);
- реакции родителей на заявление ребенка о желании прекратить занятия музыкой (Насколько эмоциональной была реакция родителей на заявление ребенка? Насколько активным было противодействие?);
- контроле родителей за выполнением ребенком домашних заданий по музыке (Насколько регулярно родители проверяли выполнение ребенком домашних заданий? Предусматривались ли санкции за невыполнение заданий?).

Материалы полуструктурированных интервью были дополнены сведениями из мемуаров тех, кто учился в детской музыкальной школе в советские годы: Владимира Александровича Цая (1947 г. р.), Михаила Захаровича Шуфутинского (1948 г. р.), Сергея Павловича Проскурина (1951 г. р.), Светланы Яковлевны Сургановой (1968 г. р.).

Характеристика выборки

Исследование было проведено в Республиках Крым, Чувашия, в Москве, Воронежской, Костромской, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Рязанской, Саратовской, Свердловской, Ульяновской, Челябинской областях, в ходе 11 экспедиций в 2018–2024 гг. Всего было собрано 124 интервью от респондентов, которые в детстве проживали в различных областях на территории всего Советского Союза: в Москве (РСФСР) — 20 %, в Центральной России, кроме Москвы (РСФСР) — 50 %, в Поволжье и на Урале (РСФСР) — 12 %, в Сибири и на Дальнем Востоке (РСФСР) — 6 %, на Северном Кавказе — 2 %, в республиках, входивших в состав СССР, кроме РСФСР — 10 %.

Распределение по типам поселений выглядит так: *сверхкрупные, крупнейшие, крупные города* (численность населения в исследуемый период — более 250 тысяч человек) — 34 % (от числа опрошенных); *большие, средние, малые города* (до 15 тысяч человек) — 43 %; *поселки городского типа и сельские поселения* (не более 10 тысяч человек) — 23 %. Выборку составили 88 % женщин и 12 % мужчин.

Согласно отечественной версии теории поколений более одной трети (37 %) респондентов могут быть отнесены к поколению беби-бумеров (1946–1967 г. р.), остальные (63 %) — к поколению X (1968–1980 г. р.) (Радаев, 2018, с. 18).

Все респонденты дали квалифицированное согласие на использование материалов их интервью в исследовательских целях и публикации цитат из них в научных изданиях.

Результаты исследования

Родительские стратегии проявлялись в ситуации покупки музыкального инструмента, главным действующим лицом его приобретения зачастую выступал отец, реже — мать, иногда — оба родителя. Здесь может быть зафиксирована *детоцентрическая позиция родителей* — стремление создать для своих детей благоприятные условия для развития, содействовать удовлетворению интересов и потребностей ребенка в сфере обучения игре на музыкальном инструменте. Детоцентризм советского общества особенно явно фиксировали иностранцы, посещавшие СССР (воспоминания Д. Шиплера — корреспондента «Нью-Йорк таймс» в Москве в 1977–1979 гг.) (Shipler, 1989).

Анализ данных показывает, что чаще субъектами выбора выступали будущие обучающиеся (36 %), несколько реже — родители (33 %), в каждом пятом случае опрошенные свидетельствовали, что выбора музыкального инструмента у них не было. Ответы респондентов на вопрос «Кто выбрал музыкальный инструмент, на котором Вы учились играть в ДМШ?» представлены на диаграмме (рис.).

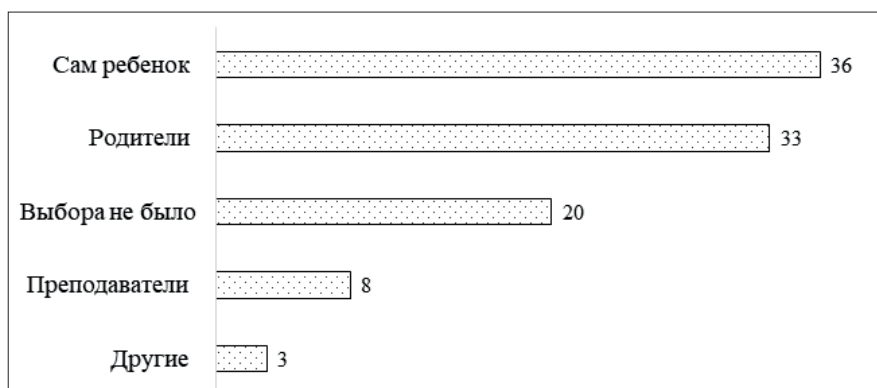

Рис. Распределение субъектов выбора музыкального инструмента на этапе поступления в детскую музыкальную школу ($N = 84$ чел., в % от количества ответивших)

Fig. Distribution of subjects choosing a musical instrument at the stage of admission to a children's music school ($N = 84$ people, % of the number of respondents)

На основании интерпретации интервью выделены следующие **родительские стратегии**: навязывание собственного сценария занятий музыкой, навязывание заимствованного культурного образца, соглашение и сотрудничество родителей с детьми в сфере занятий музыкой, проявление лояльности к самостоятельности ребенка в занятиях музыкой.

Стратегия навязывания собственного сценария занятий музыкой фактически означала воспроизводство в новом поколении родительской модели. Собственный сценарий занятий музыкой нередко навязывали родители, которые по профессии были преподавателями музыки, музыкантами

или просто хорошо владели инструментом: *«Нашего мнения никто не спрашивал. Отец дал команду, что его дети должны закончить музыкальную школу, вот мы туда и пошли. Отец и мать оба прекрасно играют на аккордеоне и на фортепиано»*¹;

*«У меня папа очень хорошо играл на мандолине. Мы могли любую мелодию напеть, так папа тут же ее играл на мандолине»*²;

*«Папа играл на ударных в оркестре, дедушка пел в церковном хоре. Со стороны бабушки все закончили Гнесинское музыкальное училище и преподают в музыкальной школе сейчас, до сих пор»*³;

*«Ну папа немного играл на аккордеоне, поэтому меня на аккордеон, наверное, отдали. Я маленькая была, конечно, согласилась»*⁴.

Описывая действия собственных родителей, респонденты использовали такого рода выражения, как: *«Мама мне предложила пойти в музыкальную школу... решила отдать меня в класс аккордеона»*⁵;

*«Мама решила: "А что только старшая дочь?"», — и меня тогда тоже решили отдать [в музыкальную школу]. Сестра туда бежала от радости, а меня отвели. Не скажу, что я хотела или не хотела: родители сказали, значит надо»*⁶.

Если судить по преемственности в эксплуатации музыкальных инструментов, то доля родителей, которые могут быть отнесены к этой стратегии, составила 29 %: в семье уже имелись фортепьяно или скрипка (у 20 %), а аккордеон, баян или мандолина — у 9 %. Члены семьи играли определяющую роль в отношении ученика к музыкальному инструменту; образцы музицирования, в том числе на народных инструментах, задались в ходе семейных праздников: *«У нас был дядя Саша (мамин брат), он простой тракторист, очень здорово играл на аккордеоне и баяне и пел. На семейных застольях я заслушивалась его игрой... Мне так хотелось научиться играть на аккордеоне»*⁷.

Одним из способов навязывания выступали семейные традиции:

*«Первый аккордеон, который появился в семье, был трофейный, дед привез его после войны с Берлина»*⁸.

Родители, которые навязывали детям свой маршрут в музыкальном образовании, нередко контролировали выполнение домашних заданий: *«Мама садилась рядом, раз она разбиралась в этом, и вот заставляла меня брентать по клавишам, вот. <...> когда я стала постарше, конечно, сама уже*

¹ Полевые материалы автора (далее — ПМА). Интервьюирование в Москве, 2019 г., информант: А. Г. Ароян, 1971 г. р.

² ПМА. Интервьюирование в Москве, 2018 г., информант: С. Ш. Исаева, 1965 г. р.

³ ПМА. Экспедиция в Воронеж, декабрь 2019 г., информант: С. В. Свистунова, 1967 г. р.

⁴ ПМА. Интервьюирование в Москве, 2018 г., информант: Т. И. Маркова, 1965 г. р.

⁵ ПМА. Интервьюирование в Москве, 2018 г., информант: Е. А. Арутюнян, 1972 г. р.

⁶ ПМА. Экспедиция в Рязань, 2020 г., информант: А. Г. Рыбакова, 1977 г. р.

⁷ ПМА. Экспедиция в Новосибирск, 2018 г., информант: Е. М. Галимон, 1976 г. р.

⁸ ПМА. Экспедиция в Новосибирск, 2018 г., информант: Е. М. Галимон, 1976 г. р.

все разучивала. Мама все равно всегда проверяла, контролировала... с ее подачи я все-таки проучилась в школе музыкальной столько лет»⁹.

Характерной чертой данной родительской стратегии являлись обязательное посещение мероприятий в музыкальной школе, контроль и помощь детям в выполнении домашних заданий по музыке:

«Не дай бог что-то не сделать. Из-за невыполнения домашнего задания могла лишиться мультиков на выходные... Мои родители очень серьезно подходили к нашему обучению»¹⁰;

«Папа мне помогал, потому что он сам оканчивал музыкальную школу. Сидели, занимались вечерами»¹¹.

Похожей на первую стратегию является *навязывание детям заимствованного культурного образца*. Здесь происходит либо воплощение детьми родительской мечты об игре на музыкальном инструменте, либо копирование примера из близкого окружения. Иллюстрацией является история из мемуаров В. А. Цая: *«После того, как соседского мальчика отдали в подготовительный класс музыкальной школы, мама отвела туда же»*. Мотивацию этого поступка автор характеризует так: *«Скорее всего, сыграло тщеславие матери — как же так, какой-то замухрышка — в музыкальной школе, а ее умница-сын — нет»* (Цай, 2017, с. 41).

Отказ от имевшегося музыкального инструмента в пользу более привлекательного отмечался в ситуации приобретения для ребенка фортепьяно, скрипки или виолончели, хотя дома имелся баян, гитара, гармонь. Такое поведение родителей можно трактовать как в разной степени осознаваемую попытку изменить стиль культурного потребления. Необходимо отметить, что встраивание в каноны советской культуры было типичным для большинства советских граждан — в 55 % случаев для ученика детей музыкальной школы приобретался классический инструмент (Куприянов, Кудряшев, и Арапова, 2023, с. 81)

В интервью обнаруживаются такие проявления этой родительской стратегии: *«Это было желание моей мамы <...> родители всегда реализуют свои несбывшиеся мечты, и поэтому она отдала нас в музыкальную школу»¹²;*

«Музыку больше любил, конечно, папа, поэтому все время вечером просил меня что-то сыграть, хотя сам не учился музыке и свою мечту воплотил во мне»¹³.

Стратегии тех родителей, которые через обучение музыке детей хотели повысить социальный статус и культурный уровень своей семьи, описываются респондентами через подчеркивание момента приобретения музыкального инструмента: *«Мама выбирала [музыкальный инструмент], пришлось купить пианино, тем не менее она пошла на такие жертвы»¹⁴.*

⁹ ПМА. Экспедиция в Нижний Тагил, 2019 г., информант: Т. П. Шаповалюк, 1974 г. р.

¹⁰ ПМА. Интервьюирование в Москве, 2018 г., информант: С. Ш. Исаева, 1965 г. р.

¹¹ ПМА. Интервьюирование в Москве, 2019 г., информант: Е. А. Горина, 1965 г. р.

¹² ПМА. Экспедиция в Воронеж, декабрь 2019 г., информант: Н. А. Фоминов, 1966 г. р.

¹³ ПМА. Интервьюирование в Москве, 2019 г., информант: М. В. Соловьева, 1965 г. р.

¹⁴ ПМА. Экспедиция в Воронеж, декабрь 2019 г., информант: Н. А. Фоминов, 1966 г. р.

Вполне объяснимо, что, сделав ставку на музыкальное образование детей, родители осуществляли строгий контроль: *«Контролировали. Хотелось пойти погулять, но надо было сесть и играть, иногда жаловались, но мама заставляла... мама контролировала больше занятия музыкальной школы чем общеобразовательной»*¹⁵. Кроме того, как и в предыдущей стратегии, для стимулирования детей практиковались и санкции: *«Если за неделю [по музыке] получал четверку, то на выходные мама давала мне китайский фонарик и многолезвенный перочинный ножичек в кожанном футляре. А если была тройка, то у меня все отбиралось»* (Проскурин, 2019, с. 78).

Родителям, реализовавшим стратегию навязывания культурных образцов, была свойственна директивность в ситуациях профессионального самоопределения их детей: *«Я хотела быть учительницей. <...> одно время хотела быть даже ветеринаром, но <...> папа сказал: “Пойдешь в музыкальное училище, потом иди куда хочешь”. Выбора не было»*¹⁶.

Весьма логичной для родительской стратегии заимствованного культурного образца являлась практика публичной демонстрации достижений детей в музыкальном образовании: *«[родители] хвалили, всем гостям надо было обязательно что-то сыграть, непременно»*¹⁷;

*«Когда мы приходили в гости или у нас был кто-то в гостях, я всегда играла. Меня сажали за пианино с самого первого класса, и я развлекала всех наших гостей»*¹⁸.

Для обеих стратегий навязывания свойственна практика совместного посещения (дети, родители, другие родственники) концертов классической музыки.

Стратегия соглашения и сотрудничества родителей с детьми в сфере занятий музыкой предусматривала доверительные отношения, стремление взрослых оговаривать рамки, при этом договор мог быть на разных условиях. Стратегия вызывалась в том числе стремлением ребенка к самостоятельности, с которым трудно было не считаться. Например: *«Когда пришло время определяться с инструментом я категорически заявила: «Хочу играть на скрипке». Сказала, как отрезала. Это был совершенно осознанный выбор»* (Сурганова, 2020, с. 84).

Участие родителей в музыкальном образовании детей проявлялось в прослушивании домашних заданий, помощи в их выполнении, в обсуждении публичных выступлений: *«Первые два года со мной занимались, <...> больше папа. <...> перед тем, как идти на первый урок, я просила папу и маму, чтобы они сели и просто послушали... всегда любое выступление обсуждалось. Это было нашей темой за ужином»*¹⁹.

¹⁵ ПМА. Экспедиция в Воронеж, декабрь 2019 г., информант: Н. А. Фоминов, 1966 г. р.

¹⁶ ПМА. Экспедиция в Воронеж, декабрь 2019 г., информант: Н. Н. Савина, 1964 г. р.

¹⁷ ПМА. Интервьюирование в Москве, 2019 г., информант: Т. И. Маврина, 1968 г. р.

¹⁸ ПМА. Интервьюирование в Москве, 2019 г., информант: М. В. Соловьева, 1965 г. р.

¹⁹ ПМА. Интервьюирование в Москве, 2019 г., информант: М. Ю. Куинджи, 1968 г. р.

В рамках этой стратегии отмечается гибкое и мягкое напоминание вместо навязчивого контроля: *«Не помню того, чтобы меня родители заставляли: давай, давай, давай. Единственное, вот летом, в каникулы: моя бабушка говорила: “Виолета, 5 часов вечера! Тебе пора садиться за инструмент”»*²⁰. Хотя активная вовлеченность родителей в обучение музыке воспринималась очень индивидуально: *«Родители разделяли интересы. Это папа, дедушка, дядя и братья, они все разделяли мое увлечение музыкой... Поддержка была очень колоссальная. Они приходили меня слушать: “А ты нам сыграй это, а давай вот это”... для того, чтобы дяде мне сыграть Полонез Агинского и Лунную сонату брату, произведения надо было сначала выучить. <...> Они записывали на магнитофон музыку, как я играю»*²¹;

*«Мои родители никогда не контролировали, как я занимаюсь. Они с удовольствием слушали, <...> если я дома играла, но они никогда не приставали ко мне»*²².

В связи с этим понятно, что обязательным атрибутом семейного уклада было посещение мероприятий в музыкальной школе, особенно отчетных концертов: *«Всегда приходили, и папа, и мама, и бабушка, очень гордились своим ребенком»*²³.

Высокая степень родительской вовлеченности в занятия музыкой своих детей имела разнообразные проявления, в отдельных семьях устраивались небольшие концерты, в которых по мере возможности участвовали все члены семьи: *«Отец научил играть старшего брата на мандолине, сам играл на балалайке, я, когда стал учиться в музыкальной школе, играл на баяне, матери давали бубен, или она пела. И у нас были небольшие концерты»*²⁴;

*«Папа играл на многих инструментах, мы с ним очень часто музицировали. Он играл на гитаре, на фортепьяно, на трубе, на контрабасе. <...> устраивали такие домашние вечеринки, музыкальные вечера»*²⁵.

Диалог в детско-родительских отношениях выражался в возможности ребенка проявить характер. Так, например, возвращение к занятиям музыкой произошло по решению самой ученицы, но сопровождалось своего рода вызовом: *«Я просто не училась в музыкальной школе [какое-то время]. И вдруг... в 8-м классе... я пришла в школу музыкальную опять, встретила с учительницей, у которой училась по фортепиано. Что за разговор произошел, я не помню, но я поставила условие родителям»*²⁶.

В рамках стратегии соглашения и сотрудничества характерна реакция мамы на заявление ребенка о его желании прекратить обучение в музыкальной

²⁰ ПМА. Экспедиция в Кострому, 2019 г., информант: В. Ю. Колосова, 1961 г. р.

²¹ ПМА. Экспедиция в Саратов, 2020 г., информант: А. А. Бугаева, 1966 г. р.

²² ПМА. Интервьюирование в Москве, 2019 г., информант: Т. В. Карышева, 1968 г. р.

²³ ПМА. Экспедиция в Кострому, 2019 г., информант: В. Ю. Колосова, 1961 г. р.

²⁴ ПМА. Интервьюирование в Москве, 2019 г., информант: В. В. Соколюк, 1955 г. р.

²⁵ ПМА. Экспедиция в Кострому, 2019 г., информант: В. Ю. Колосова, 1961 г. р.

²⁶ ПМА. Экспедиция в Чебоксары, 2020 г., информант: И. А. Медведова, 1965 г. р.

школе: *«Тебя можно понять. Это твое решение. Бросай! Но учти, потом у тебя на всю жизнь останется сожаление о том, что ты оставила дело незавершенным»* (Сурганова, 2020, с. 94).

Родительская стратегия лояльности к самостоятельности ребенка в выборе досуговых занятий представляет собой минимальную вовлеченность в процессы образования собственного ребенка. Указанная родительская стратегия проявлялась, с одной стороны, в предоставлении своим дочерям и сыновьям права самостоятельно принимать решение о поступлении в музыкальную школу, а с другой, в отказе не только от контроля, но даже от минимального участия. Стратегию родительской лояльности к самостоятельности ребенка респонденты объясняли занятостью родителей, а также их некомплектностью: *«Мама, конечно, была рада, что я куда-то сама записалась, хоть и в музыкальную школу, <...> Первое мое самостоятельное решение... они были на работе, я самостоятельно... шарилась. У них же не музыкальное образование, они даже не знали, учила я, не учила я, то есть это все шло самотеклом, по моему желанию»*²⁷;

*«[выполнение домашних заданий] не контролировали. Они были довольны тем, что я играю на фортепиано, и с удовольствием слушали мою игру. Так мне казалось»*²⁸;

*«Родители выполнение домашних заданий не контролировали. Спрашивали: “Сделала уроки, выучила?”. А так нет»*²⁹.

Во всех воспоминаниях, в которых родительские стратегии идентифицированы как лояльные к детской самостоятельности, отражается произвольность поведения детей: *«Был такой момент, когда все дети на улице играют, у них очень много свободного времени, а ты практически только учишь уроки. <...> Я сказала: “Все, устала, больше не пойду”, но по истечению какого-то времени я сама же пришла и восстановилась [в музыкальной школе], продолжала обучение, поняла, что без этого уже не могу»*³⁰.

Однако даже те родители, чьи действия отнесены к стратегии лояльности, могли ситуативно поддерживать ребенка: *«К музыке... я тянулся с раннего детства. Отец почувствовал мое влечение, и, когда я пошел в первый класс, <...> подарил мне немецкий аккордеон «Хоннер»* (Шуфутинский, 1997, с. 8). Как вспоминает М. З. Шуфутинский, отец не жил с ними (у него была другая семья), его участие в жизни сына выражалось в покупке музыкальных инструментов. Когда Миша пошел в музыкальную школу, оказалось, что «аккордеон — буржуазный инструмент», поэтому отцу пришлось покупать баян (Шуфутинский, 1997, с. 9). В истории этого мальчика показательно несколько моментов. Действия отца воспринимались как проявление доверия, которое

²⁷ ПМА. Экспедиция в Кострому, 2018 г., информант: Е. Р. Аносова, 1969 г. р.

²⁸ ПМА. Экспедиция в Кострому, 2018 г., информант: А. Л. Алексеев, 1969 г. р.

²⁹ ПМА. Интервьюирование в Москве, 2018 г., информант: Т. И. Гонорская, 1975 г. р.

³⁰ ПМА. Интервьюирование в Москве, 2019 г., информант: А. С. Долженко, 1972 г. р.

нужно оправдать. Если верить мемуарам, еще будучи подростком Миша проявлял высокую степень самостоятельности: по своей инициативе стал участником школьного эстрадного оркестра, в 13 лет — самодеятельного оркестра клуба фабрики Госзнака, в девятом классе сам организовал эстрадный оркестр в школе рабочей молодежи (Шуфутинский, 1997, с. 13, 16).

Заключение

Полуструктурированное нарративно ориентированное интервью, проведенное в одиннадцати регионах РФ, было призвано реконструировать родительские стратегии в области музыкального образования детей в СССР в 60–90-е гг. XX века. Родительские стратегии определялись многими факторами, это и собственные взгляды, и культурная инерция, и влияние советского общества (детоцентричность ценностей населения страны, поддерживаемое официальной пропагандой; стремление родителей к достижению, сохранению, подтверждению социального статуса; нормы культурного потребления). Отдельным фактором являлись финансовые ресурсы семьи, территориальная доступность музыкальной школы. В качестве основания для классификации родительских стратегий наиболее адекватными представляются степень демократичности в семейном воспитании — предоставление права ребенку принимать участие в решении вопросов собственного внешкольного образования. Кроме того, важным критерием является степень родительской вовлеченности в музыкальное образование детей. На основании указанных обстоятельств были выделены следующие родительские стратегии:

- навязывание собственного сценария занятий музыкой;
- навязывание заимствованного культурного образца;
- соглашение и сотрудничество родителей с детьми в сфере занятий музыкой;
- проявление лояльности к самостоятельности ребенка в выборе досуговых занятий.

Представленное исследование не лишено ограничений, выявленные родительские стратегии скорее обозначают наиболее яркие проявления, рядом с которыми существуют смешанные типы. Перспективы изучения данной темы требуют соотнесения родительских стратегий с уровнем образования родителей и другими параметрами культурного капитала семьи.

Список источников

1. Бочавер, А. А., Вербилович, О. Е., Павленко, К. В., Поливанова, К. Н., и Сивак, Е. В. (2018). Вовлеченность детей в дополнительное образование: контроль и ценность образования со стороны родителей. *Психологическая наука и образование*, 23(4), 32–40. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230403>
2. Павленко, К. В., Поливанова, К. Н., Бочавер, А. А., и Сивак, Е. В. (2019). Дополнительное образование школьников: функции, родительские стратегии, ожидаемые результаты. *Вопросы образования*, 2, 241–261. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-241-261>

3. Марченко, Ф. О., и Маховская, О. И. (2016). Родительские стратегии регуляции детских видеоигр: российский опыт. В: *Психологическое благополучие современной семьи*. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием, 102–105. Ярославль. https://elibrary.ru/download/elibrary_27650402_41409585.pdf
4. Антипкина, И. В. (2017). Исследования «родительской вовлеченности» в России и за рубежом. *Отечественная и зарубежная педагогика*, 1, 4(41), 102–114. <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/208633519.pdf>
5. Гошин, М. Е., Пинская, М. А., и Григорьев, Д. С. (2021). Формы участия родителей в образовании детей в школах разного типа. *Социологические исследования*, 5, 70–83. <https://doi.org/10.31857/S013216250012685-6>
6. LaPierre, B. (2012). *Hooligans in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance during the Thaw*. Madison: University of Wisconsin Press.
7. Dunham, V. S. (1979). *In Stalin's time: Middleclass values in Sov. Fiction*. Introd. by Jerry F. Hough. Cambridge etc.: Cambridge univ. press. XIV.
8. Захарищева, М. А. (2017). Условия формирования музыкального таланта П. И. Чайковского в родительской семье. В: *Детство музыкантов: история, современность (междисциплинарный дискурс)*. Материалы Всероссийского симпозиума, 136–143. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29374473_89882638.pdf
9. Фишман, Л. Г. (2022). *Эпоха добродетелей: после советской морали*. Москва: Новое литературное обозрение.
10. Давыдов, Д. А. (2022). Добродетели против коммунизма. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, 4(107), 186–196. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-107-4-186-196>
11. Рейли, Д. Дж. (2015). *Советские бэйби-бумеры: послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране* [пер. с англ. Т. Эйдельман]. Москва: Новое литературное обозрение.
12. Волков, В. В. (1996). Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени. *Социологический журнал*, 1–2, 194–213. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23876565>
13. Цветкова, Г. А. (2023). Культура как объект государственного управления в послевоенном СССР: смысл и содержание понятия. *Культурологический журнал*, 2(52). <https://doi.org/10.34685/НЛ.2023.35.41.014>
14. Веблен, Т. Б. (2021). *Теория праздного класса* [пер. с англ. В. Желнинова]. Москва: АСТ.
15. Иванова, Е. В., Нестерова, О. В., и Барсукова, Е. М. (2020). Родительские стратегии при организации дополнительного образования подростков (на примере новой Москвы). В: *UniverCity: Города и Университеты*. Сборник статей, 4, 105–126. Москва. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44136404_33419778.pdf
16. Куприянов, Б. В., Кудряшев, А. В., и Арапова, П. И. (2023). *Внешкольные пространства социализации советских школьников: (социально-педагогическая реконструкция)*. Москва: Сам полиграфист.
17. Куприянов, Б. В., и Смирнов, П. А. (2024). Взросление мальчика в седле двухколесного велосипеда (реконструкция второй половины XX в. по современным воспоминаниям). *Этнографическое обозрение*, 6, 229–248. EDN: VSQGKP. <https://doi.org/10.31857/S0869541524060114>

18. Старчеус, М. С. (2017). Ранний профессионализм и кризисы в развитии музыканта. В: *Детство музыкантов: история, современность (междисциплинарный дискурс)*. Материалы Всероссийского симпозиума, 20–26. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т.
19. Радаев, В. В. (2018). Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. *Социологические исследования*, 3(407), 15–33.
20. Shipler, D. K. (1989). *Russia: Broken idols, solemn dreams*. New York: Times books, Corp.
21. Проскурин, С. (2019). *Отрок*. Москва: Деловой двор.
22. Сурганова, С. Я. (2020). *Все сначала!: автобиография, дневники*. Москва: Эксмо.
23. Шуфутинский, М. З. (1997). *И вот стою я у черты...* Москва: ТРИЭН.
24. Цай, В. А. (2017). *Я, юный пионер Советского Союза*. Москва: Время.

References

1. Pavlenko, K. V., Polivanova, K. N., Bochaver, A. A., & Sivak, E. V. (2019). Supplementary education of schoolchildren: functions, parental strategies, expected results. *Education issues*, 2, 241–261. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-241-261>
2. Bochaver, A. A., Verbilovich, O. E., Pavlenko, K. V., Polivanova, K. N., & Sivak, E. V. (2018). Children's involvement in supplementary education: control and value of education on the part of parents. *Psychological science and education*, 23(4), 32–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2018230403>
3. Marchenko, F. O., & Makhovskaya, O. I. (2016). Parental strategies for regulating children's video games: Russian experience. In: *Psychological well-being of the modern family*. Proceedings of the interregional scientific and practical conference with international participation, 102–105. Yaroslavl. (In Russ.). https://elibrary.ru/download/elibrary_27650402_41409585.pdf
4. Antipkina, I. V. (2017). Research of “parental involvement” in Russia and abroad. *Domestic and foreign pedagogy*, 1, 4(41), 102–114. (In Russ.). <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/208633519.pdf>
5. Goshin, M. E., Pinskaya, M. A., & Grigoriev, D. S. (2021). Forms of Parental Participation in Children's Education in Different Types of Schools. *Sociological Studies*, 5, 70–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013216250012685-6>
6. LaPierre, B. (2012). *Hooligans in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance during the Thaw*. Madison: University of Wisconsin Press.
7. Dunham, V. S. (1979). *In Stalin's time: Middleclass values in Sov. Fiction*. Introd. by Jerry F. Hough. Cambridge etc.: Cambridge univ. press. XIV.
8. Zakharishcheva, M. A. (2017). Conditions for the Formation of P. I. Tchaikovsky's Musical Talent in the Parental Family. In: *The Childhood of Musicians: History, Modernity (Interdisciplinary Discourse)*. Proceedings of the All-Russian Symposium, 136–143. Perm: Perm State Humanitarian-Pedagogical University. (In Russ.). https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29374473_89882638.pdf
9. Fishman, L. G. (2022). *The Age of Virtues: After Soviet Morality*. Moscow: New Literary Review. (In Russ.).
10. Davydov, D. A. (2022). Virtues against Communism. *Polity: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*, 4(107), 186–196. (In Russ.). <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-107-4-186-196>

11. Reilly, D. J. (2015). *Soviet Baby Boomers: The Post-War Generation Talks About Themselves and Their Country* [translated from English by T. Eidelman]. Moscow: New Literary Review. (In Russ.).
12. Volkov, V. V. (1996). The Concept of Kulturnost', 1935–1938: Soviet Civilization and Everyday Life in Stalin's Time. *Sociological Journal*, 1–2, 194–213. (In Russ.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=23876565>
13. Tsvetkova, G. A. (2023). Culture as an object of public administration in the post-war USSR: the meaning and content of the concept. *Cultural Studies Journal*, 2(52). (In Russ.). <https://doi.org/10.34685/HI.2023.35.41.014>
14. Veblen, T. B. (2021). *The theory of the leisure class* [trans. from English. V. Zhelninova]. Moscow: AST. (In Russ.).
15. Ivanova, E. V., Nesterova, O. V., & Barsukova, E. M. (2020). Parental strategies in organizing additional education for adolescents (using the example of new Moscow). In: *UniverCity: Cities and Universities. Collection of articles*, 4, 105–126. Moscow. (In Russ.). https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44136404_33419778.pdf
16. Kupriyanov, B. V., Kudryashev, A. V., & Arapova, P. I. (2023). *Extracurricular spaces of socialization of Soviet schoolchildren: (social and pedagogical reconstruction)*. Moscow: Sam poligrafist. (In Russ.).
17. Kupriyanov, B. V., & Smirnov, P. A. (2024). Growing up as a boy in the saddle of a two-wheeled bicycle (reconstruction of the second half of the twentieth century based on contemporary memoirs). *Ethnographic review*, 6, 229–248. (In Russ.). EDN: VSQGGP. <https://doi.org/10.31857/S0869541524060114>
18. Starcheus, M. S. (2017). Early professionalism and crises in the development of a musician. In: *The childhood of musicians: history, modernity (interdisciplinary discourse)*. Proceedings of the All-Russian symposium, 20–26. Perm: Perm state humanit. ped. university. (In Russ.).
19. Radaev, V. V. (2018). Millennials against the background of previous generations: an empirical analysis. *Sociological research*, 3(407), 15–33. (In Russ.).
20. Shieler, D. K. (1989). *Russia: Broken idols, solemn dreams*. New York: Times books, Cop.
21. Proskurin, S. (2019). *The Youth*. Moscow: Delovoy Dvor. (In Russ.).
22. Surganova, S. Ya. (2020). *All over again!: autobiography, diaries*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
23. Shufutinsky, M. Z. (1997). *And here I stand at the line...* Moscow: TRIEN. (In Russ.).
24. Tsai, V. A. (2017). *I, a young pioneer of the Soviet Union*. Moscow: Vremya. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию: 27.07.2024;
одобрена после рецензирования: 25.11.2024;
принята к публикации: 15.01.2025.

The article was submitted: 27.07.2024;
approved after reviewing: 25.11.2024;
accepted for publication: 15.01.2025.

Информация об авторах / Information about the authors:

Борис Викторович Куприянов — доктор педагогических наук, профессор, профессор департамента педагогики Института педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Boris V. Kupriyanov — Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy at the Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City University, Moscow, Russia.

bvkupriyanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1041-6056>

Александр Андреевич Маннин — старший преподаватель, аспирант школы коммуникаций факультета креативных индустрий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Alexander A. Mannin — Senior Lecturer, Postgraduate Student of the School of Communications at the Faculty of Creative Industries, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

man-nin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3818-6582>

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.